

И. Железнов

Уральцы

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Железнов**
Уральцы: Том 2 / И. Железнов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 456 с.

ISBN 978-5-458-08694-3

Издание 3-е , посмертное, очерки быта уральских казаков.С дополнениями и включением всех неизданных статей под редакцией Н. А. Бородина.

ISBN 978-5-458-08694-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1.

Какъ теперь смотрю на сѣдого и согбеннаго старика, тихо и молча расхаживающаго по набережной Гурьева-городка и безпрестанно смотрящаго за Уралъ, въ ту сторону, гдѣ течетъ р. Соколокъ *), берега которой, въ былое время, часто оглашались боевыми криками и обагрялись кровью казаковъ и лютыхъ враговъ ихъ киргизовъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ этотъ старикъ, прошло ужъ болѣе пятнадцати лѣтъ, но степенный и грозный видъ его рѣзко напечатлѣлся въ моей памяти, и я никогда не забуду храбраго и безстрашнаго Василья Ивановича Струняшева, истаго казака уральскаго. Въ послѣднее время, какъ я узналъ его, ему было уже за восемьдесятъ лѣтъ,—но старость, измождивъ тѣло, согнувъ въ дугу станъ, нѣкогда стройный и высокій, пощадила, однако жъ, его память и не совсѣмъ уничтожила блескъ глазъ его, которые иногда свѣтились, какъ у юноши. Страненъ и причудливъ былъ характеръ Струняшева. Всѣ, знавшіе или видѣвшіе его, согласятся со мной: а кто изъ гурьевцевъ не зналъ старика Струняшева, который со всѣми былъ какъ свой, какъ родной? Иногда онъ былъ молчаливъ, угрюмъ, строгъ и дикъ, какъ медвѣдь, иногда же говорливъ, безпеченъ не по лѣтамъ и веселъ какъ дитя.

*) Соколокъ—рукавъ Урала съ лѣвой стороны. Онъ отдѣляется отъ него противу Капдауроваго форпоста, въ тридцати верстахъ отъ взморья.

Бывало, опершись на посохъ, Струняшевъ по цѣлымъ часамъ, какъ истуканъ, стоялъ на одномъ мѣстѣ и не сводилъ глазъ съ киргизской степи—свидѣтельница его геройскихъ подвиговъ, его романическихъ приключеній,—свидѣтельница смерти родного его брата, который, въ борьбѣ съ киргизами, сложилъ свои кости непогребенными на чужбинѣ. Воспоминаніе о братѣ, погибшемъ за него же, какъ увидимъ ниже, сильно тревожило старика и не разъ заставляло его вытирать рукавомъ халата слезы, какъ бы невольно катившіяся по впалымъ его щекамъ и бѣлой, какъ лунь, бородѣ.—Вотъ въ эти-то минуты Струняшевъ былъ непреступенъ, звѣремъ смотрѣлъ въ землю, а ежели случалось изрѣдка взглянуть на людей, то не иначе, какъ изъ-подлобья,—никому не отвѣчалъ на вопросы, хотя бы заговорилъ съ нимъ самъ отецъ Кипріянь, всѣми уважаемый гурьевскій священникъ;—даже, пришедъ домой, онъ не удостоивалъ ни однимъ словомъ молодую казачку, которая ухаживала за нимъ, какъ за роднымъ дѣдомъ, и которую онъ любилъ, какъ родную внучку. Эта казачка была вовсе чужая Струняшеву, но онъ любилъ ее больше родного дѣтища, больше всего на свѣтѣ. И не диво: она была внучка его невѣсты, его ненаглядной Даши, на которой не суждено было ему жениться, но которую онъ не оставлялъ любить и за гробомъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Наконецъ время печали, время тоски и кручины минуется, взоръ Струняшева просвѣтляется, языкъ развязывается, и старикъ дѣлается молодцомъ, такимъ удалымъ, безпечнымъ и веселымъ казакомъ, какимъ онъ былъ смолоду, лѣтъ за пятьдесятъ назадъ. Въ эти счастливыя минуты можно увидѣть Струняшева въ кругу молодыхъ казаковъ, и на веселомъ пиру свадебномъ, и даже въ дѣвичьихъ хоровахъ,—словомъ, вездѣ, гдѣ гуляетъ и веселится безпечное казачество. Вездѣ, какъ говорится, Струняшевъ былъ на своемъ мѣстѣ. Молодымъ казакамъ онъ рассказывалъ про былое бранное время, про наѣзды хищныхъ киргизовъ, про жаркія дѣла, въ которыхъ храбрые уральцы громили вра-

говъ своихъ, научалъ молодежь, какъ ловчѣе бить непріятеля пикою, какъ удачнѣе и вѣрнѣе стрѣлять изъ винтовки, и пр., и пр. Въ бесѣдѣ съ людьми пожилыми онъ трактовалъ о хозяйствѣ, о рыболовствѣ, о семъ, о томъ, и, странное дѣло—самъ онъ подъ конецъ жизни не имѣлъ, какъ говорится, ни кола, ни двора, а рѣчи его о хозяйствѣ были такъ складны, такъ основательны, такъ справедливы, что никто не смѣлъ имъ не вѣрить.—Не отставалъ онъ и отъ пировъ и вечеровъ разгульныхъ, гдѣ всегда принимали его радушно, усаживали на первое почетное мѣсто. Тутъ онъ, хотя и не пилъ ни водки, ни вина, а былъ, такъ сказать, душою собранья; веселымъ шуткамъ и разнообразнымъ побасенкамъ, шумѣлся, всегда насчетъ мужей-простофиль и женъ-хитрыхъ лисичъ, не было конца, и всё смѣялись до слезъ.

Посѣщая дѣвичьи хороводы, старикъ Струняшевъ и въ нихъ принималъ, хотя не прямое, но за всеѣмъ тѣмъ не послѣднее участіе. Несмотря на преклонныя лѣта и сѣдые волосы Струняшева, присутствіе его въ хороводахъ никому не было въ тягость, а напротивъ, давало поводъ къ разнымъ шуткамъ и остромамъ насчетъ стараго холостяка.—Струняшевъ, какъ рыцарь, не былъ женатъ; въ томъ помѣшали ему, какъ самъ онъ говорилъ, судьба да поганые бусурманы.—Бывало, какая-нибудь в о с т р о г л а з а я, какъ называлъ Струняшевъ всѣхъ вообще дѣвушекъ, подбѣжитъ къ нему, схватитъ его за руку и, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ, скажетъ:

— Дѣдушка, хорошенькій! давай рябимъ (въ горѣлки) играть; будь моею парочкой.

— Спасибо, востроглазая, — отвѣчалъ Струняшевъ.— Радъ бы душой, да не могу, видитъ Богъ — не могу!

— Отчего не можешь, дѣдушка пригоженькій?

— Невѣста увидитъ, моя кралячка, и крѣпко пожуритъ меня за это.

— А гдѣ твоя невѣста?

— Тамъ, голубушка,—скажетъ съ непритворною грустью Струняшевъ и укажетъ посохомъ или на небо, или въ

поле за городъ, гдѣ возвышаются слюдовые холмы, осѣненные крестами и надгробными памятниками.

— Какъ же быть-то мнѣ, дѣдушка?—опять заговорить плутовка, съ видомъ притворнаго горя.—Вѣдь я тебя больно люблю.

— И хорошо дѣлаешь, моя куропаточка, моя сѣренькая жавороночка,—отвѣчаетъ Струняшевъ.—Если ты полюбишь, то и тебя полюбятъ.

— Кто жъ меня полюбитъ?

— А вотъ, сказать примѣромъ, хоть онъ.

Съ послѣднимъ словомъ Струняшевъ укажетъ на одного изъ казачатъ, но укажетъ такъ мѣтко, что дѣвушка, дотолѣ съ нимъ шутившая, вспыхнетъ, какъ полмя, зарумянится, какъ заря утренняя, и убѣжитъ въ хороводъ, проговори сквозь зубы: „ахъ, онъ старый хрѣнь! какъ онъ все знаетъ?“

Но такое житье-бытье, по словамъ самого Струняшева, было не житье для него, а что-то въ родѣ того.—На вопросъ: какъ поживаешь? Струняшевъ, бывало, съ грустію отвѣчаетъ: „да никакъ, право слово, никакъ, вѣдь я давно ужъ не живу; все хорошее прожилъ, а теперь, видно, за грѣхи мои, просто-на-просто не живу, а коротаю свой горькій вѣкъ.—А вотъ,—присовокупляетъ старикъ,—если случится когда какая завороха, сирѣчь тревога, походъ на киргизовъ,—ну, тогда дѣло иное,—тогда я словно перерождаюсь, молодѣю, лѣтъ тридцать съ плечъ стряхиваю. Да что объ этомъ говорить?—заключаетъ старикъ. — Это случается рѣдко.—Нынѣ времена не такія, орда поганая присмирѣла,— „Д ж а и к ъ У р у с ѣ *) не свой братъ“.

Дѣйствительно, случись тревога по поводу какого-нибудь киргизскаго набѣга, Струняшевъ первый явится на сборное мѣсто, но, къ сожалѣнію, не на конѣ и не съ копьемъ, какъ въ прежнее время, а пѣшкомъ и съ клюкой въ рукѣ. Старость и дряхлость, убивъ силы, лишили его истиннаго, ни-

*) Джанкъ-урусъ по-киргизски значить: уральскій, т. е. янкій казакъ. У киргизовъ уральцы до сихъ поръ называются этимъ именемъ.

чѣмъ незамѣнимаго удовольствія—сразиться съ киргизами и отмстить имъ за всѣ утраты, которыя онъ понесъ чрезъ ихъ хищничество,—отмстить за смерть брата, тѣнь котораго, кажется, всегда была предъ его глазами. Пади братъ его въ открытой битвѣ, онъ бы и „охъ“ не сказалъ. Но братъ его погибъ измѣннически отъ рукъ басурмановъ, и потому Струняшевъ во всю жизнь питалъ величайшую ненависть къ киргизамъ, и на каждомъ шагу старался вредить имъ.

Вотъ раздался по городу звукъ колокола, возвѣщающій сборъ казаковъ для ратнаго дѣла. Одинъ за однимъ съѣзжаются казаки на площадь передъ домомъ гурьевскаго атамана. Наконецъ собрались всѣ, но съ мѣста не трогаются. Подумаешь, что не готовъ еще атаманъ или не всѣ собрались казаки, но атаманъ давно уже стоитъ на крыльцѣ въ полномъ вооруженіи, и туркменскій аргамакъ его роетъ отъ нетерпѣнія копытомъ землю; казаки всѣ въ строю.—Что же за причина такой медленности, когда каждый часъ, каждая минута дороги? Извѣстно что: Струняшевъ не смотрѣлъ еще отряда. Вотъ онъ ходитъ по рядамъ казаковъ, осматриваетъ ихъ вооруженіе, а главное коней. Въ это время, съ клюкой въ рукѣ вмѣсто жезла, Струняшевъ—истый фельдмаршалъ. Такъ ввѣрился въ Струняшева, что ни одна казачья партія не выѣдетъ изъ Гурьева, чтобы не осмотрѣлъ ее Струняшевъ.

— У тебя, Миша,—скажетъ онъ одному изъ казаковъ,—конь не годится: перемѣни его.

— Помилуй, дѣдушка!—возразитъ ему казакъ.—Какъ не годится? Ты развѣ не видишь, мой конь земли подъ собой не чувствуетъ, такъ и рвется впередъ, всѣ руки я надсадилъ, а все-таки усмирить его не могу.

— Это-то и скверно, голубчикъ, что конь твой земли подъ собой не чувствуетъ. Онъ больно жиренъ, давно неѣженъ, оттого-то слишкомъ и горячится. Ужъ ты послушай меня, старика, перемѣни коня: онъ на пятой веретѣ подъ тобой задохнется,—я вижу это по глазамъ его. Завтра на немъ хоть въ Хиву жарь—выдюжить, а теперь не годится.

— Гриша! — говорилъ Струняшевъ другому казаку: — кто тебѣ коня-то сѣдлалъ и сумки-то приторачивалъ?

— Кто! — отвѣчаетъ отчасти обидчивымъ, отчасти покорнымъ тономъ Гриша, — извѣстно кто: самъ я, а не жена.

— Вотъ то-то и дурно, — говоритъ Струняшевъ, — что не жена: она бы получше твоего, глядишь, сдѣлала. Что выпучилъ глаза-то на меня? Ты не на меня, а на себя взгляни хорошенько, такъ и узнаешь, что я говорю правду. Вонъ подпруга-то какъ далеко назадъ подалась; этакъ не годится. Лошадь, какъ почуветь щекотку, какъ разъ собьеть съ козла: тогда ни за денежку пропадешь. А сумки-то, сумки-то какъ привязаны, просто курамъ на смѣхъ... Эхъ, молодець, молодець! да этакъ бабы не привяжутъ. Смотри: одна сумка длиннѣй другой, она вѣдь перетянетъ сѣдло на бокъ, и спину у лошади испортитъ; тогда пойдешь, добрый молодець, пѣшкомъ въ чистомъ полѣ гулять, и сѣдло въ рукахъ носить.

— У тебя, Сысой, погонь ружейный тонокъ, — примолвить Струняшевъ третьему. — Чего добраго: на скаку, да еще на грѣхъ въ дѣлѣ, пожалуй, онъ оборвется; тогда прощай винтовка, — не только басурмана поразить, а и себя защититъ нечѣмъ будетъ. Подкрѣпи хоть веревкой погонь-то.

— А ты что, Тимоха, распустилъ стремяна-то? Вишь они у тебя почестъ до земли мотаются. Гдѣ ты высмотрѣлъ, грѣховодникъ, такую моду? Кажись, въ Питерѣ или въ Москвѣ не служилъ, слѣдованно, кавалеріи не видалъ, а ѣздишь истымъ гусарикомъ, право слово, гусарикомъ. — Нѣтъ, нѣтъ, это не годится, это нейдетъ нашему брату казаку; негоже вытягивать погу, а нужно больше сгибать, чтобы крѣпче сидѣть на сѣдлѣ. — Убавь и углища, вотъ такъ; ну, хорошо. — Вотъ теперь хоть не красиво, да зато здорово. Теперь тебя изъ пушки ядромъ не свалишь съ лошади, а давеча стоило только ткнуть въ бокъ камышинкой, такъ полетѣлъ бы вверхъ тормашкой.

— Ну, слава Богу, кажись, все исправно, — заключаетъ Струняшевъ, когда отрядъ готовъ тронуться съ мѣста. — Ахъ,

постойте, постоитъ, атаманы молодцы! Вонъ, кто это между вами, тамъ въ заднемъ ряду?—Что это за богатырь такой? Что это за чудо-юдо? Э!!!! да это ты, Кузёмушка, ненаглядное мое сокровище, красное ты солнышко, сосновое ты яблочко! Молодецъ, молодецъ, неча сказать, молодецъ! Удраль же ты штуку, индо курамъ на смѣхъ. Угораздилъ же тебя лукавый напялить на себя семьдесятъ-семь съ половиною халатовъ. И мать родная не скоро узнаетъ тебя, соколика, въ этомъ уборѣ. А киргизы—что думаешь? Да киргизы, какъ увидятъ тебя, ухъ! такъ и повалятся со страху. Страшно взглянуть на тебя, Кузинька. Раздулся ты, какъ сороковая бочка, сидишь на сѣдлѣ копна-копной, гора-горой, словно Лукоперъ-Богатырь, что голова была съ пивной котель. Думаешь, это хорошо. Нѣтъ, дружокъ, скверно! Такъ одѣваться можно только тогда, когда, Богъ дастъ, поѣдешь къ тецѣ въ гости; а ежели ѣхать на поле ратное, на побоище смертное, такъ нужно ѣхать на-легкѣ. Ничего не видя, потъ градомъ съ тебя катитъ, а какъ придется до дѣла, такъ ты совсѣмъ задохнешься. Долой, пострѣль, съ коня! сбрось съ себя все халаты, будеть съ тебя и одного; ежели на первыхъ порахъ и прохватитъ морозцемъ, зато въ дѣлѣ согрѣешься.

— Вотъ такъ, хорошо,—прибавляетъ Струняшевъ.—Ну, съ Богомъ, соколики, въ походъ. Да смотрите, зря, на вѣтеръ не стрѣляйте, особенно съ коней, а работайте больше пикой. Если случится быть вамъ въ осадѣ, чего избави Боже, тогда, не торопясь, по очереди, припадайте на-рѣжки и повѣриѣ жарьте изъ винтовокъ по басурманамъ, чтобы ни одна пуля не пропадала даромъ. Но какъ сами пойдете на сломъ (въ атаку),—такъ тутъ пика родимушка, пика голубушка должна быть въ дѣлѣ. Слышите: пика, пика! она не чета пулѣ-дурѣ,—она, мое сердченько, не солжетъ!—Отъ нея у меня нетокма-что киргизъ, да и французъ не отвертывался.

Эхъ-ма! старость, старость! Откуда ты взялась, не прошенная, не званная гостя? Если бы не ты, полетѣлъ бы я туда же, за ними, моими ясными соколами... Эхъ-ма! старость, старость! приковала мои рѣзвы ножепки къ сырой

землѣ, отняла силушку въ рукахъ, сдѣлала добраго молодца бабой...

Такъ всегда говорилъ Струняшевъ, когда провожалъ гурьевскихъ казаковъ въ походъ.

Өнногей Котовъ, гурьевскій казакъ, человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, ученикъ Струняшева по ружейной охотѣ, пять лѣтъ тому назадъ, замѣтимъ кстати, сложившій голову свою въ Каспійскомъ морѣ на аханномъ рыболовствѣ, часто рассказывалъ мнѣ, когда мы съ нимъ бродили на охотѣ по гурьевскимъ камышамъ, про жизнь и приключенія Струняшева. Удержавъ въ памяти разнообразныя рассказы Котова, я соединилъ ихъ въ одинъ и составилъ слѣдующую, основанную на истинныхъ событіяхъ былъ.

II.

Въ 1770-хъ годахъ, въ началѣ зимы, около Рождества, замѣтно было въ Гурьевѣ-городкѣ сильное движеніе и шумная суета. Народъ, какъ на ярмаркѣ, толпами ходилъ изъ дома въ домъ и собирался въ круги на площади и на улицахъ. Ясно было, что въ Гурьевѣ, дотолѣ скромномъ и тихомъ городкѣ, происходило что-то необыкновенное.—Но что за причина такой суматохи, такой бѣготни и такихъ сходбищъ круговыхъ?—Нельзя было сразу отгадать. Будь это въ наше время, можно бы навѣрное заключить, что или въ Гурьевѣ ярмарка, или гурьевцы собираются на аханное рыболовство; но тогда ярмарокъ въ Гурьевѣ не бывало, тогда гурьевцы не знали и аханнаго рыболовства, тогда родной Я н к у ш к а Г о р ы н ы ч ь былъ биткомъ набитъ осетрами и бѣлугами, не какъ въ наше плохое время; слѣдовательно, не за чѣмъ было тогда ѣздить въ море, когда благодать Божья подъ руками.

Можетъ быть, собиралась и снаряжалась партія казаковъ въ поиски за хищными киргизами, всегдашними своими врагами, которые, въ описываемую мной эпоху, дѣлали частые

набѣги на линію, угоняя скоть и полоня людей?—Но въ домѣ и около дома гурьевскаго атамана царствовала тишина, чего никакъ бы не могло быть, если бы собирались казаки въ походъ. Притомъ еще, волненіе въ Гурьевѣ продолжается вотъ уже около недѣли, а на то, чтобы собраться и соколами полетѣть въ погоню за басурманами, казакамъ довольно нѣсколькихъ минутъ; бывало, лишь только пріударятъ въ городъ въ церковный колоколъ, а въ крѣпостяхъ и форпостахъ, гдѣ нѣтъ церквей, проскачетъ по улицѣ съ треноткой казакъ—такъ въ нѣсколько мгновеній орлами слетятся удалые казаки на сборное мѣсто, къ дому начальника.

Можетъ быть, богатый казакъ женить сына или выдаетъ замужъ дочь и потому, въ избыткѣ радости, дастъ ширъ на весь міръ?—Но въ то время былъ постъ, а въ посты, извѣстно, свадебныхъ шпровъ у православныхъ не бываетъ.

Можетъ быть, пришелъ указъ царскій, призывающій сыновъ Урала (въ то время Янка), въ армію, на полѣвую службу, послужить Матушкѣ-Царицѣ и святой Руси?—Не видно и этого, потому что женскій полъ спокоенъ, весель, беззаботенъ, тогда какъ при сборѣ казаковъ въ дальніе, продолжительные походы женщины плачутъ, рыдаютъ, у р е в о н е с у т ь, какъ говорятъ казаки.

То не то, это не то, да что же наконецъ? А вотъ посмотримъ попристальнѣе, авось догадаемся, отчего такъ расходились, расшевелились гурьевцы. Пусть они только пріутихнутъ, разбредутся по домамъ, тогда, на просторѣ, лучше разрѣшимъ задачу.

Наконецъ настали сумерки, и городъ пріутихъ. Въ одномъ изъ узкихъ переулковъ, къ воротамъ небольшого сосноваго домика, съ выкрашенными зеленой краской ставнями, подошелъ хромой, бѣдно одѣтый, пожилыхъ лѣтъ киргизъ и постучался въ калитку. Вскорѣ калитка отворилась и на улицу вышелъ молодой, щегольски одѣтый казакъ. На немъ, поверхъ короткаго синяго бешмета, былъ накинутъ изъ черныхъ жеребьячихъ шкуръ яргакъ, родъ длиннаго и широкаго тулупа шерстью вверхъ; на головѣ надѣта остроко-

нечная изъ малиноваго сукна шапка, опушенная по краямъ порѣшной, съ золотою наверху кистью. Высокіе каблуки красныхъ сафьянныхъ, съ загнутыми кверху носгами, сапоговъ были подбиты мѣдными скобками, а на подошвахъ, подъ самыми каблуками, звенѣли, подобно шпорамъ, серебряныя кольца. Но щеголеватость костюма довершалась и больше всего выказывалась золотою съ блестящими бирюзой серьгой, болтавшейся, по обычаю того времени, въ правомъ ухѣ казака. По богатой, роскошной одеждѣ и по свѣжести румянаго лица, видно было, что казакъ не знакомъ ни съ нуждой и ни съ бѣдностью.

— Что тебѣ, Каракузька, надо?—спросилъ казакъ киргиза.

— Да что, хозяинъ, надо,—отвѣчалъ киргизъ:—самъ знаешь, что надо. Вчерашніе хивинцы заприступались ко мнѣ, обѣщаются подарить мнѣ халатъ полупшелковый, лишь бы я уговорилъ тебя ѣхать въ Астрахань съ ихнимъ караваномъ. А ужъ тебѣ-то чего не дадутъ: все дадутъ, что ни запросишь, только согласишься, да поѣзжай; право, поѣзжай, вѣдь для тебя это плевое дѣло.

— Я сказалъ хивинцамъ, что не поѣду, стало быть и толковать объ этомъ нечего,—проговорилъ съ нетерпѣніемъ казакъ и хотѣлъ-было уйти на дворъ. Но киргизъ, ухвативъ его за полу одежды, сказалъ:

— Пстой, пстой, хозяинъ! Не торопись, выслушай меня хорошенько, а тамъ дѣлай, что хочешь.

Казакъ неохотно остановился и присѣлъ на лавку, около воротъ, а киргизъ опустился противу него на землю. Черезъ минуту киргизъ продолжалъ:

— Вотъ, видишь, хозяинъ, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ хивинскихъ каравановъ, что пришелъ сюда съ недѣлю, хочетъ непременно, во что бы то ни стало, отправиться въ Астрахань на саняхъ, льдомъ по морю.—Многіе хивинцы изъ этого каравана подрядили ужъ гурьевцевъ везти туда свои товары, да тѣ, кто взялся за это дѣло, неохотно что-то ѣдутъ; даже нѣкоторые поговариваютъ, что ежели, дескать, не по-